

Смертность на Южном Урале в 1930-е годы: мужское и женское население

А. И. Ажигулова

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург
azhigylova@mail.ru

Аннотация

Численность населения зависит от ряда факторов, определяющим из них является смертность, которая, в свою очередь, складывается из ряда причин как биологических (возраст, болезни), так и социальных (материальное благополучие). В 1930-е гг. на Южном Урале, как и во всей стране, происходили социально-экономические и политические события, такие как форсированная индустриализация, коллективизация, голод 1932–1933 гг., оказавшие значительное влияние на показатели смертности населения. Существенные отличия в показателях смертности наблюдались среди таких категорий населения, как сельское и городское, мужское и женское. Мужское население к 1930-м гг. уступало по численности женскому, что связано с потерями в годы Первой мировой, Гражданской войн. К тому же мужское население больше подвержено травматизму, в силу занятости в тяжелом промышленном производстве. В свою очередь, женское население наиболее уязвимо в период беременности и после ее окончания (материнская смертность). В качестве источников по рассматриваемой проблеме были использованы результаты первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. и последняя предвоенная перепись населения 1939 г. Для выявления движения смертности среди населения привлечены материалы центральных и местных архивов. Текущий учет населения, его формы, подвергались изменениям на протяжении 1930-х гг., в 1935 г. вводится форма 3, позволившая оценить уровень смертности, ее динамику среди мужского и женского населения. На протяжении рассматриваемого периода наблюдается гендерный дисбаланс: по численности населения преобладает женское, по показателям смертности – мужское.

Ключевые слова:

смертность, Южный Урал, мужское население, женское население, факторы смертности

Mortality in the Southern Urals in the 1930s: male and female population

A. I. Azhigulova

Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg
azhigylova@mail.ru

Abstract

The population size depends on a number of factors, the determining one being mortality. Mortality of the population consists of a number of reasons, both biological (age, illness) and social (material well-being). In the 1930s, socio-economic and political events took place in the Southern Urals, as well as throughout the country, such as forced industrialization, collectivization, famine of 1932–1933, which had a significant impact on mortality among the population. Significant differences in mortality rates were observed among such categories of the population as rural and urban, male and female. By the 1930s, the male population was inferior in number to the female population, which was due to losses during the First World War and the Civil War. In addition, the male population is more susceptible to injury due to employment in heavy industrial production. In turn, the female population is most vulnerable during and after pregnancy (maternal mortality). The results of the first All-Union Population Census of 1926 and the last pre-war Population Census of 1939 were used as sources on the problem under consideration. Materials from central and local archives were used to identify the movement of mortality among the population. The current population accounting, its forms, were subject to changes throughout the 1930s. In 1935, form 3 was introduced, which made it possible to assess the mortality rate and its dynamics among the male and female population. During the period under consideration, a gender imbalance is observed: in terms of population size, women predominate, in terms of mortality rates, men.

Keywords:

mortality, Southern Urals, male population, female population, mortality factors

Начало XX в. в нашей стране было связано со множеством событий, наложивших отпечаток на последующую историю. Революция 1917 г., Первая мировая война, Гражданская война стали причинами изменений не только в политической, социально-экономической жизни, но и демографических процессах. Череда войн основанная

причиной роста показателя смертности, особенно среди мужского населения, гендерный перекоп повлек за собой трудности воспроизводства и «демографические ямы». После образования Советского Союза перед страной возник ряд важных задач по укреплению обороноспособности государства, созданию самообеспечивающей эконо-

мики и т. д., все это требовало как материальных затрат, так и трудовых ресурсов. Население трудоспособного возраста играет важную роль для экономики страны, начавшаяся форсированная индустриализация сопровождалась привлечением широких слоев населения для нужд промышленного строительства. Сельское население, особенно мужское, необходимое для тяжелого физического труда, переселяется в города. Автор данной статьи попыталась проанализировать динамику смертности мужского и женского населения Южного Урала, ее причины в 1930-е гг.

Для выделения особенностей исследуемого региона в качестве источников по рассматриваемой проблеме были использованы результаты первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. [1] и последней предвоенной переписи населения 1939 г. [там же]. Обе переписи были проведены на высоком организационном уровне и отличались достаточно подробной характеристикой численности, состава населения. Для выявления движения смертности среди населения были привлечены материалы центральных и местных архивов [2]. Текущий учет населения, его формы, подвергались изменениям на протяжении 1930-х гг., в 1935 г. вводится форма 3, позволившая оценить уровень смертности, ее динамику среди мужского и женского населения [3–6]. Гендерный перекоп, наблюдавшийся после событий начала XX в., сохранился к концу рассматриваемого периода. Высокая смертность мужского населения разных возрастных категорий объясняется рядом факторов.

В научной литературе демографическим процессам в первой половине XX в. уделялось много внимания, однако в силу масштабности событий и сложности происшедших социально-экономических, политических процессов, некоторые стороны рассматриваемого хронологического периода остались малоизученными. В 1920-е гг. демографические события освещаются в официальных статистических данных, авторами которых выступали врачи, экономисты, демографы [7]. К середине 1930-х гг. система учета населения окончательно сформировалась, были разработаны и утверждены формы текущего учета населения. Общественно-политические события, происшедшие в стране в 1930-е гг., привели к засекречиванию ряда сведений о демографических процессах. В научной литературе приводятся официальные сведения результатов переписей 1937 г., 1939 г., анализ сведений которых представлял собой только общую оценку. Новый этап в изучении демографических процессов приходится на период 1960–1980-х гг. Появляются труды Б. Ц. Урланис [8], А. Г. Вишневецкого [9], А. Я. Боярского [10] и др.

В последующие 1980-е гг. и на современном этапе выделяются исследования В. Б. Жиромской [11, 12], В. А. Исупова [13, 14], В. А. Журавлевой [15], Н. А. Араловец [16] и т. д.

Традиционно Южный Урал включает в себя три административно-территориальные единицы: Башкирская АССР, Челябинская и Оренбургская (с 1938 г. – Чкаловская) области. Первая советская перепись населения была проведена в 1926 г., согласно ее результатам, численность населения Южного Урала составляла 6 411 608 чел., из которых мужского населения – 47 %, женского – 53 %. Общая чис-

ленность сельского населения составила 5 579 053 чел., из них мужского населения – 47 %, женского – 53 %, в городской местности насчитывалось 832 555 чел., мужчин – 47 %, женщин – 53 % [1, с. 20, 180, 232]. Как видно из результатов переписи, соотношение мужского и женского населения Южного Урала в пользу женщин, относительные показатели соотношения мужчин и женщин городского и сельского населения одинаковы, и среди них тоже преобладают женщины.

Южный Урал в 1930-е гг. был вовлечен во все происходящие в стране события, связанные со строительством новых городов, промышленных объектов, учреждений образования, здравоохранения. Миграция населения в города сопровождается перенаселенностью, распространением инфекционных заболеваний. В рассматриваемый период экзогенные факторы смертности были определяющими. Так как система учета населения только начинает становление, далеко не все демографические события были охвачены учетом. Начало 1930-х гг. было связано с голодом 1932–1933 гг., в этот период возрастает смертность населения, но часть сведений о количестве умерших в это время осталась неучтенной в силу ряда обстоятельств. К середине 1930-х гг. смертность на Южном Урале продолжает оставаться высокой, особенно младенческая.

Согласно графику 1, абсолютные показатели смертности среди мужского и женского населения Южного Урала изменялись волнообразно. В 1935 г. смертность составила 149 391 чел., из них мужчин – 53 %, женщин – 47 %. Среди городского населения умерло мужчин 54 %, женщин – 46 %, среди сельского – 52 и 48 % соответственно. В 1936 г. число умерших достигло 196 932 чел., из них мужчин – 52, женщин – 48 %, соотношение показателей смертности го-

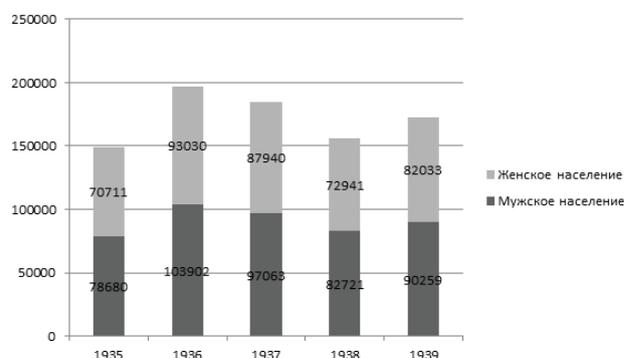

График 1. Соотношение смертности мужского и женского населения Южного Урала в 1935–1939 годы.

Составлено по: здесь и график 2: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 44. Л. 98, 98 (об), 99,99 (об), 100, 100(об), 101, 102, 103, 107,107(об), 108, 108(об), 109,109(об); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Д. 60. Л. 46,47,48, 103,103(об), 104,104(об), 105,105(об), 109,109(об), 110,110(об), 111,111(об); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 85. Л. 115, 116, 118, 160, 161, 165, 176, 177, 179; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 132, 136, 137, 142, 144, 145, 154, 155, 15; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152. Л. 145, 146, 150, 155, 156, 158, 166, 167, 169.

Graph 1. The ratio of mortality of the male and female population of the Southern Urals in 1935–1939.

Compiled by: Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 1562. Op. 20. D. 44. L. 98, 98 (ob.), 99,99 (ob.), 100, 100 (ob.), 101, 102, 103, 107,107(ob.), 108, 108(ob.), 109,109(ob.); RGAE. F. 1562. Op. 2. D. 60. L. 46,47,48, 103,103(ob.), 104,104(ob.), 105,105(ob.), 109,109(ob.), 110,110(ob.), 111,111(ob.); RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 85. L. 115, 116, 118, 160, 161, 165, 176, 177, 179; RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 124. L. 132, 136, 137, 142, 144, 145, 154, 155, 15; RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 152. L. 145, 146, 150, 155, 156, 158, 166, 167, 169.

родского населения: мужчин – 54 и женщин – 46 %, сельского: 52 и 48 % соответственно. В 1937 г. на Южном Урале умерло 185 003 чел., мужского населения – 52, женского – 48 %, городского населения: мужчин – 53, женщин – 47 %, сельского – 52 и 48 % соответственно. Далее, в 1938 г. показатели смертности составили 155 662 чел., из них мужчин 53, женщин – 47 %, среди горожан мужчин умерло 54, женщин – 46 %, в сельской местности – 52 и 48 % соответственно. В конце рассматриваемого периода, в 1939 г., общее число умерших – 172 292, среди них мужчин – 52, женщин – 48 %, среди городского населения: 53 % – мужчин, 47 % – женщин, среди сельского населения – 52 и 48 % соответственно. Таким образом, показатели смертности среди населения Южного Урала говорят о преобладании доли мужской смертности над женской. Сравнение относительных показателей смертности мужского и женского населения свидетельствует о преобладании мужской смертности в городах по сравнению с общими показателями и показателями сельской местности. Так, в 1935 г. разница в смертности между мужчинами и женщинами всего населения Южного Урала – 6 %, в сельской местности – 4 %, в городской – 8 %, в 1936 г. разница в смертности всего населения между мужчинами и женщинами – 4 %, в сельской местности – 4 %, в городской – 8 %, в 1937 г. разница в смертности всего населения между мужчинами и женщинами – 4 %, в сельской местности – 4 %, в городской – 6 %, в 1938 г. – 6, 4 и 8 % соответственно, в 1939 г. – 4, 4 и 6 % соответственно. Данная особенность во многом обусловлена рассматриваемым периодом, в стране проводится индустриализация, тысячи людей работоспособного возраста отправляются в города на стройки промышленных объектов, мужское население занято в физически сложной деятельности, травмоопасность увеличивается. Проводится реформа в армии, увеличивается ее численность, изменяется возраст призыва, что также сказывается на сокращении мужского населения из-за специфики военной службы.

Младенческая смертность является базовым показателем смертности населения, именно коэффициенты младенческой смертности свидетельствуют об уровне развития государства, системы здравоохранения. В 1930-е гг. в стране проводятся масштабные мероприятия, связанные с улучшением медицинского обслуживания, обеспечен-

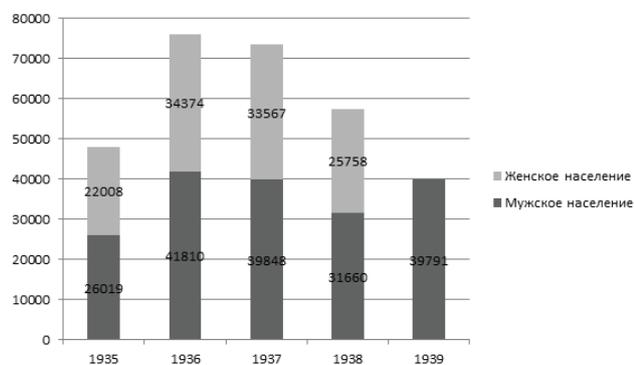

График 2. Соотношение младенческой смертности мужского и женского населения Южного Урала в 1935-1939 годы.

Graph 2. The ratio of infant mortality of the male and female population of the Southern Urals in 1935-1939.

ностью учреждений здравоохранения всеми необходимыми средствами, большое внимание уделяется вакцинации. Несмотря на все проводимые мероприятия, система здравоохранения в 1930-е гг. носила догоняющий характер, младенческая смертность была высокой. Обратимся к анализу графика 2. На Южном Урале в 1935 г. младенческая смертность составила 48 027 чел., или 32 % от общей смертности, из них мальчиков – 54 %, девочек – 46 %. В 1936 г. число умерших младенцев возросло до 76 184, или 38,6 % от общей смертности, среди них мальчиков – 55, девочек – 45 %. В следующем, 1937, году младенческая смертность составила 73 415, или 39,6 % от общей смертности, из них мальчиков – 54, девочек – 46 %. В 1938 г. доля умерших младенцев снизилась до 57 418, или 36,8 % от общей смертности, из них мальчиков – 55, девочек – 45 %. Наконец, в 1939 г. младенческая смертность составила 73 230 чел., или 42,5 % от общей смертности, из них мальчиков – 54, или 46 %. Как видно из графика 2, младенческая смертность на Южном Урале изменялась волнообразно. Наиболее высокие показатели приходятся на 1936-1937 гг., затем, в 1938 г., небольшое снижение, но к концу исследуемого периода показатели снова увеличиваются. Доля младенческой смертности от общей внушительна, относительные показатели составляют более 30-40 %. Во многом причиной высокой младенческой смертности в 1930-е гг. являлись голод 1932-1933 гг. и его последствия, организмы матерей были сильно ослаблены и истощены. Из болезней, приведших к смертности, указаны скарлатина, корь, врожденная слабость, которые являются «детскими» заболеваниями, ставшими следствием слабости материнского организма [16, л. 1]. Сопоставление младенческой смертности среди мальчиков и девочек говорит о высоких показателях именно среди мальчиков. Высокие показатели смертности среди младенцев мужского пола говорят о большей жизнеспособности женского организма [17].

Последняя предвоенная перепись населения была проведена в Советском Союзе в 1939 г., по результатам которой численность населения Южного Урала составила 7 637 490 чел., из них мужчин – 47, женщин – 53 %. Численность сельского населения составила 5 535 013 чел., из них мужского населения – 47, женского – 53 %, в городской местности насчитывалось 2 102 477 чел., мужчин – 48, женщин – 52 % [11, с. 20, 180, 232]. Как видно из результатов переписи, абсолютные показатели возросли, но соотношение мужского и женского населения Южного Урала сохранилось в пользу женщин. Относительные показатели мужского и женского населения городов и сел также отмечены в пользу женщин, однако в городах процентное соотношение мужчин на 1 % больше, по сравнению с селами, что свидетельствует об увеличении миграции в города именно мужского населения.

Таким образом, в 1930-е гг. на Южном Урале смертность мужского населения была выше женского. Высокие показатели смертности среди мужского населения обусловлены рядом причин, во-первых, в трудовой сфере мужчины заняты в деятельности с высоким уровнем травматизма и смертности, таких как армия, тяжелая промышленность и т. д., во-вторых, преждевременным старением мужской

части населения, в силу занятости на более опасном производстве. Женская смертность ниже показателей мужской, но женский организм особенно подвержен опасности в период беременности и после рождения ребенка. К тому же, занятость на стройках индустриализации и рост травматизма способствовали смертности, в том числе, и среди женщин. Наиболее высокие общие показатели смертности приходится на 1936 г. среди как мужского населения, так и женского. Гендерная диспропорция прослеживается по результатам обеих Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Бюллетени Госплана. Вып. 1–2. – Москва : Издание Госплана СССР, 1924. – 123 с.
2. Урланис, Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б. Ц. Урланис. – Москва : Госстатиздат, 1963. – 136 с.
3. Вишневский, А. Г. Демографическая революция / А. Г. Вишневский. – Москва : Статистика, 1976. – 240 с.
4. Боярский, А. Я. Население и методы его изучения / А. Я. Боярский. – Москва : Статистика, 1975. – 264 с.
5. Жиромская, В. Б. Всесоюзные переписи 1926, 1937 и 1939 гг. История подготовки и проведения / В. Б. Жиромская // История СССР. – 1990. – № 3. – С. 84–104.
6. Жиромская, В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке / В. Б. Жиромская. – Москва : Кучково поле, 2012. – 320 с.
7. Исупов, В. А. Тайны советской статистики: переписи населения 1937 и 1939 гг. / В. А. Исупов // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия: История, филология, философия. – 1991. – № 1. – С. 28–33.
8. Исупов, В. А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка / В. А. Исупов // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3, № 4. – С. 82–92.
9. Журавлева, В. А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. / В. А. Журавлева. – Екатеринбург, 2016. – 36 с.
10. Араловец, Н. А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии / Н. А. Араловец // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 135–146.
11. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. материалов / сост. В. П. Мотревич. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. – 372 с.
12. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 44.
13. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Д. 60.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 85.
15. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152.
16. ГУ Объединенный государственный архив Челябинской области (ГУ ОГАЧО). Ф. 485. Оп. 4. Д. 1114.
17. Урланис, Б. Ц. Различия в уровне смертности по полу / Б. Ц. Урланис // Демоскоп. – 2021. – № 911–912. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/nauka02.php> (дата обращения: 21.06.2024).

References

1. Byulleteni Gosplana [State Planning Committee Bull.]. Issue 1–2. – Moscow: Izdanie Gosplana SSSR [Publication of the USSR State Planning Committee], 1924. – 123 p.
2. Urlanis, B. Ts. Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR [Birth rate and life expectancy in the USSR]. / B. Ts. Urlanis. – Moscow: Gosstatizdat [State Statistical Publ. House], 1963. – 136 p.
3. Vishnevsky, A. G. Demograficheskaya revolyuciya [Demographic revolution] / A. G. Vishnevsky. – Moscow: Statistika Publ., 1976. – 240 p.
4. Boyarsky, A. Ya. Naselenie i metody ego izucheniya [Population and methods of its study] / A. Ya. Boyarsky. – Moscow: Statistika Publ., 1975. – 264 p.
5. Zhiromskaya, V. B. Vsesoyuznye perepisi 1926, 1937 i 1939 gg. Istoriya podgotovki i provedeniya [All-Union censuses of 1926, 1937 and 1939. The history of preparation and conduct] / V. B. Zhiromskaya // Istoriya SSSR [History of the USSR]. – 1990. – № 3. – P. 84–104.
6. Zhiromskaya, V. B. Osnovnye tendencii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke [The main trends in the demographic development of Russia in the XX century] / V. B. Zhiromskaya. – Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 2012. – 320 p.
7. Isupov, V. A. Tajny sovetskoj statistiki: perepisi naseleniya 1937 i 1939 gg. [Secrets of Soviet statistics: population censuses of 1937 and 1939] / V. A. Isupov // Proc. of the Siberian Branch of the USSR Ac. Sci. Series: History, Philology, Philosophy. – 1991. – № 1. – P. 28–33.
8. Isupov, V. A. Epidemiologicheskij perexod v Rossii: vzglyad istorika [Epidemiological transition in Russia: a historian's view] / V. A. Isupov // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. – 2016. – Vol.3. – № 4. – P. 82–92.
9. Zhuravleva, V. A. Gorodskoe naselenie Urala v 1920–1930-е гг.: istoriko-demograficheskij analiz [Urban population of the Urals in the 1920–1930s: historical and demographic analysis]: abstract of diss. ... Dr. Sci. (History) / V. A. Zhuravleva. – Ekaterinburg, 2016. – 36 p.
10. Aralovets, N. A. Poteri naseleniya sovetskogo obshhestva v 1930-е gody: problemy, istochniki, metody izucheniya v otechestvennoj istoriografii [Population losses of Soviet society in the 1930s: problems, sources, methods of study in Russian historiography] / N. A. Aralovets // Otechestvennaya istoriya [National history]. – 1995. – № 1. – P. 135–146.
11. Vsesoyuznaya perepis naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skij region [All-Union population census of the USSR in 1939: Ural region] : Collected materials / Comp. V. P. Motrevich. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta [Univ. of the Humanities Publ. House], 2002. – 372 p.

12. Rossiiskii gosudarstvennii arhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics] (RGAE). F. 1562. Op. 20. D. 44.
13. Ibid. F. 1562. Op. 2. D. 60.
14. Ibid. F. 1562. Op. 20. D. 85.
15. Ibid. F. 1562. Op. 20. D. 152.
16. GU Objedinennii gosudarstvennii arhiv Chelyabinskoi oblasti [United State Archive of the Chelyabinsk region] (GU OGACHO). F. 485. Op. 4. D. 1114.
17. Uralnis, B. Ts. Razlichiya v urovne smertnosti po polu [Differences in the mortality rate by gender] / B. Ts. Uralnis // Demoskop. – 2021. – № 911-912. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/nauka02.php> (accessed: 21.06.2024)

Благодарность (госзадание)

Статья выполнена при финансовой поддержке губернатора Оренбургской области (стипендия для молодых ученых).

Acknowledgments:

The paper was prepared with the financial support of the Governor of the Orenburg region (scholarship for young scientists).

Информация об авторе:

Ажигулова Альбина Исламовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета (460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19; e-mail: azhigylova@mail.ru).

Author:

Albina I. Azhigulova – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya st., Orenburg 460014, e-mail: azhigylova@mail.ru).

Для цитирования:

Ажигулова, А. И. Смертность на Южном Урале в 1930-е годы: мужское и женское население / А. И. Ажигулова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 42–46.

For citation:

Azhigulova, A. I. Mortality in the Southern Urals in the 1930s: male and female population / A. I. Azhigulova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10(76). – P. 42–46.

Дата поступления статьи: 06.11.2024

Прошла рецензирование: 08.11.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 06.11.2024

Reviewed: 08.11.2024

Accepted: 12.12.2024